

Сергей Кручинин

Ақарат а Ра

(или Исповедь военного летчика)

Повесть.

12+

Сергей Михайлович Крупенин

Акарат а Ра, или Исповедь военного летчика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62626373

SelfPub; 2020

Аннотация

Жизнь современного человека базируется на знаниях почерпнутых в школе и ВУЗах. Она протекает в рамках господствующей в наше время морали. Однако наступает момент, когда планомерное и логичное ее течение летит к чертовой матери. Мир в одночасье переворачивается. Изменяется и мироощущение человека. Он начинает поиск чего-то, чего и сам не знает. Что остается нашему герою? Пробиваться к этому неведомому через приключения и смертельные опасности, чудеса и неведомые ранее собственные возможности. Этому помогают последние открытия современной науки и древней науки каббала, которая им не противоречит. И даже существенно их дополняет. Что в итоге? Начало понимания ответа на главный вопрос человека: «Для чего я живу?». Все данные, приведенные в книге, читатель может проверить самостоятельно.

Лошади, которая знает, что она лошадь, нет в природе.

Главная задача человека состоит в том, чтобы усвоить: он – не лошадь.
(ДОВ БЕР ИЗ МЕЖЕРИЧА)

Пролог.

Михаил вернулся домой в 3.15 ночи. Эти самые 3.15 навязчиво и зелено горели в темноте над телевизором. Старая военная привычка следить за временем сработала. После увольнения из армии он всячески пытался отделаться от поминутного, а порой посекундного отсчета своей жизни и снял часы с руки в день получения приказа об увольнении и более не одевал никогда. Почему так с часами. Полезный вообще-то прибор. Ему почему-то казалось, что с общепринятым понятием времени не все в порядке. Почему? Объяснения у него не было. Так, ощущение. Но привычка – вторая натура. Банальность, конечно, но правдивая.

Квартира пуста. Опять. Последнее время она часто пуста. Жена уже ушла. А может быть, еще не пришла. Кто ж знает, черт подери ее! Свет не хотелось зажигать. Чего его за-

жигать? Все, что есть в доме, стоит на своих, хорошо известных местах, а темнота скрывает ставшую в последние месяцы привычной запущенность небольшой, но когда-то очень уютной квартирki. Михаил сел на кухне не раздевшись. Нащупал пепельницу и какую-то чашку. Вытащил из кармана куртки банку пива и дернул ключ. Пиво недовольно зашипело и плюнуло пеной на руку и рукав. «Вот ведь гадость, какая. Пиво теплое!». Дрянь. Все дрянь. Все вообще! Раздражение накатывало. Накрывало все сильнее. И не хотелось и не могло его гасить. Кровь порядком уже подогретая алкоголем вскипала. Руки сжались в кулаки до боли. Особенно в правой. В ней оказалась банка, раздавленная всмятку, пиво из которой уже текло по столу и на пол и на колени. Михаил вскочил инстинктивно – стул упал с грохотом, резко прозвучавшим в ночи. Банка с силой, брошенная в стену снесла с холодильника горшок с цветком. Да что же это такое! Под ноги попался опрокинутый стул. Прямо по косточке. Как больно! Ах ты, гад, ползучий! От удара стул отлетел в угол. Там разлетелось еще что-то стеклянное. От досады он треснул кулаком по столу – чашка брызнула осколками, часть которых осталась в руке, разорвав плоть. Вот, дрянь! Все события последнего года навалились одновременно и закружились в хороводе неразрывной чередой. Полный развал бизнеса, которым он занимался последнее время, цепь попыток его наладить перемежающаяся попойками для снятия стресса с загулами до утра, которые довели жену до отчая-

ния и ухода в виртуальный мир Интернета с головой и телом. Подлость партнеров по бизнесу. Наезды кредиторов. И еще бог знает сколькими более мелкими, но не менее неприятными событиями последнего времени, которые завершили его любовь к человечеству и текущему мироустройству окончательно.

Затуманенное сознание не справлялось с хаосом эмоций. От всего этого было только почти физическое ощущение черноты во вздыбившейся душе, еще более усугубляющее темноту разгромленной кухни.

Михаил стоял посреди бывшего домашнего очага и тихо рычал от бессилия. Он не умел сдаваться. Его всю жизнь учили именно не сдаваться. И он бился с неудачами с упорством. И это вовсе не страшило его. Страшно было другое. То, что все, что было фундаментом его жизни: долг, честь, семья, друзья, страна – все, все это разрушилось за какой-то год-полтора. И люди, которых он любил и считал своим долгом защищать, как его учили, стали ненавистными и презираемыми им. Это порождало страшную пустоту в душе. Практически невыносимое состояние. И еще – ему больше не хотелось бороться. Он больше не хотел вообще ничего! Ни любви, ни денег, ни славы, ни знаний. Ничего... Осталось

только острое сожаление о жене. Они прожили очень хорошую жизнь в любви, вырастив замечательного сына. И теперь стали почти чужими и даже враждебными друг другу. Это обстоятельство злило более остальных.

Казалось, что мир рассыпался. Но рассыпался как-то уж очень пошло. Неправильно как-то. Нечестно! И кто же в ответе за все это? Михаил поднял лицо вверх и впервые в жизни подумал о Том, Кто мог все это устроить. «Эй, ты там, наверху!». Глухо сказал, но скорее зарычал, срываясь на хрип: «Если ты есть вообще. Это, что за дерьмо ты тут натворил? И, что тебе этот бардак сойдет с рук?». Впервые за много лет по его щекам полились слезы. Слезы жуткой злости и отчаяния и он их пытался вытереть рукой не видя, что она в крови. «Я хочу дать тебе в морду! Я вызываю тебя биться! Появись и отвечай. Мне наплевать, что ты меня убьешь. Наплевать мне на такую жизнь. Только появись!». Пульс с такой силой бил в виски, что, казалось, голова лопнет. Но тихо. Конечно же, тихо. «Нет тебя! Или ты наделал это все и свалил!? Или ты просто садюга и наслаждаешься сейчас!? Твои создания всю свою никчемную жизнь посвящают тому, чтобы бить и жрать себе подобных. Загадили всю планету до ручки. И все их достижения только в том, что они могут теперь совсем разнести ее термоядом на молекулы! Если бы мог я сбросить тебя с твоего места, я бы сделал все иначе. Люди не страда-

ли бы так!». Тихо. Навалилась тупая, тяжкая усталость и он, сбросив с себя где-то по дороге куртку, побрел, натываясь на стены в спальню, к кровати. Заснул еще, не коснувшись подушки.

Пробуждение было невеселым. Спать можно было бы хоть до самой смерти. С работы ушел, из последних сил пытаюсь соблюсти приличия и не послать, куда следует начальника. Может, и зря не послал. Затраченное эмоциональное усилие тут же потребовало алкогольной релаксации в компенсацию. Проснулась память. «Так вот почему так тошно! Боже как хреново! Язык вообще прилип к небу. А вкус во рту! Вроде не унитазом на вокзале работал, а вкус тот еще. Хорошо бы так вот плавно из сна, да и в смерть. «Не заслужил видать» горько подумал. Ну, какой же идиот не закрыл шторы? Блин, солнце в глаз прямо». Пришлось вставать. Шарил по полу сидя на кровати в поисках домашних тапочек. Обнаружилось, что ноги в носках, а рядом вместо тапок грязные ботинки. «Вот, черт, а пить то, как охота!» Побрел на кухню. «Хоть бы минералка была в холодильнике». Вид кухни не радовал. Особенно земля из горшка с цветком на холодильнике и по всему полу. Но минералка была. Нет ничего вкусней газированной холодной воды из горла! «Где же тапки, черт их дери? А, вот они подлые». В коридоре привычно глянул в зеркало. «Ну и рожа!» Из зеркала смотрело лицо зна-

комое отчасти, с всклокоченными довольно длинными волосами неопределенного цвета. Под мутными, со следами былой голубизны, глазами наметились мешочки. На щеке разводы запекшейся крови. Рука тут же заныла. А – вспомнил – чашка. Выражение лица как у дохлого карпа. Уголки губ привычно уже опущены. «Это кто? – подумал он – это, что я, блестящий в недавнем прошлом, военный пилот. Старший офицер? Гордый и достойный восхищения жены и сына?». Горькая усмешка отразилась в зеркале. Объективно фигура еще подтянутая, хотя все внутри мелко дрожит. «Да уж, приплыли!. Ладно, не помер – надо жить». Последняя надежда на душ. По пути попалась брошенная на пол вчера (или сегодня?) куртка. Поднял, повесил на вешалку. Опять привычка. Из кармана куртки наполовину вывалившись, торчала какая-то книга в кожаном переплете. «Странно, откуда бы?». Да ладно, душ – надежда на жизнь, все остальное так неважно.

Через полчаса стояния под водой, побритый и вымытый, он выбрался из ванной. Удивительное свойство воды. Льет вроде снаружи, а внутреннее дрожание также унимает.

«Где же эта коза? Где ее носит?». Взгляд на часы стоящие на телевизоре. Не видать ничего. Ночью светились как сверхновая, аж орали 3.15, а сейчас тускло до невидимости. Нет, все же со временем в этом мире не все так просто. Ци-

ферблат электронных часов пришлось прикрывать рукой от солнечного света, чтобы увидеть цифры. 12.20. Опять накачивается раздражение. «Да знаю я, где тебя носит. В Интернет кафе за три улицы от дома. Последние деньги просаживаешь. Каждый день и ночь там сидишь. Что люди подумают?» Завертелись злые рудиментарные мысли. Вот вроде бы и чужие уже друг другу, а сердце щемит. Почему так все получилось? Боль в руке тут же проснулась. Опять кулаки. Агрессор чертов.

Подошел к зеркалу. Ну, получше, конечно. Под глазами—то еще плоховато, но не полный секунд-хенд — уже хорошо. Сзади что-то упало мягко. Оглянулся — небольшая, карманного формата книжка в необычной кожаной обложке. Таких ныне не выпускают давно. «Таки вывалилась. Откуда ты взялась?». Михаил поднял книгу. На ощупь обложка была как живая человеческая кожа. Мягкая и теплая, даже чуть влажная. Он потер ее пальцем. Ему показалось, она чуть заметно пульсирует. «Больше никогда не возьму в рот эту гадость» — родилась ответная мысль. Михаил открыл книгу. Листы бумаги были также необычными. Толще современной стандартной, используемой в книгопечатании бумаги раза в два, но более как бы мягкой при этом. И она была темно желтой, даже коричневатой, как у старинных книг. Он их видел в музеях под стеклом витрин. «Ну и дела!» проскочила мысль.

«А в музее я вчера не был случайно?» встревожился рассудок, производя срочную ревизию ближайшего прошлого. Да нет, вроде бы? На первой странице очень красивым почерком и явно от руки было написано какое-то стихотворение. Буквы также стандартностью не страдали. Написанные зеленоватыми с оттенком позолоты чернилами как из его детства они, казалось, были в глубине бумаги, а не на ее поверхности. Михаил провел рукой по странице. Она была совершенно гладкой. Следов пера либо литер от печатного станка не ощущалось. Чудно как-то. А написано-то, что? В коридоре было темновато, и он неосознанно прошел в комнату к свету. Буквы слегка, но вполне заметно плавали в тексте в зависимости от перемены освещения. Мысль отказаться от спиртного навеки еще более утвердилась. Он начал читать:

«Знай, до начала творения был лишь высший, все собой заполняющий свет.

И не было свободного незаполненного пространства -

Лишь бесконечный, ровный свет все собой заливал.

И когда решил Он сотворить миры и создания, их населяющие,

Этим раскрыв совершенство Свое,

Что явилось причиной творения миров,

Сократил себя Он в точке центральной своей -

И сжался свет и удалился,

Оставив свободное, ничем незаполненное пространство.

И равномерным было сжатие света вокруг центральной
точки

Так, что место пустое форму окружности приобрело,

Поскольку таковым было сокращение света.

И вот после сжатия этого в центре заполненного светом
пространства

Образовалась круглая пустота, лишь тогда

Появилось место, где могут создания и творения суще-
ствовать.

И вот протянулся от бесконечного света луч прямой,

Сверху вниз спустился внутрь пространства пустого того.

Протянулся, спускаясь по лучу, свет бесконечный вниз,

И в пространстве пустом том сотворил все совершенно
миры.

Прежде этих миров был Бесконечный,

В совершенстве настолько прекрасном своем,

Что нет сил у созданий постичь совершенство Его -

Ведь не может созданный разум достигнуть Его.

Ведь нет Ему места, границы и времени.

И лучом спустился свет

К мирам, в черном пространстве пустом находящимся
все.

И круг каждый от каждого мира и близкие к свету – важ-
ны,

Пока не находим мир материи наш в точке центральной,
Внутри всех окружностей в центре зияющей пустоты.
И так удален от Бесконечного – далее всех миров,
И потому материально так окончательно низок -
Ведь внутри окружностей всех находится он -
В самом центре зияющей пустоты...»

«Ерунда какая-то...» Он не додумал эту мысль потому, что все вокруг начало плавно с ускорением вращаться по часовой (опять часы будь они не ладны) стрелке и окружающие предметы становились прозрачными. «Во, блин, центрифуга...» Беззвучная вспышка яркого, но не резкого, даже приятного для света такой интенсивности и затем полная темнота и абсолютная тишина на фоне ритмичного звука. «Я умер? Но я мыслю. И я слышу какой-то стук. А, это мое сердце стучит. А тело где? На месте вроде, только легкое очень. Как на перегрузке ноль в самолете...»

Глава 1.

Днем ранее. Странный малый.

Утро не задалось. Как, впрочем, и многие предыдущие последнего полугодия. А последние полгода Михаил работал в бухгалтерской фирме замом. Как ему нарисовали при приеме (по протекции, кстати), его обязанности были широкими и носили творческое начало. Он с энтузиазмом взялся за дело и, обнаружив ряд системных недостатков в работе фирмы, начал их радостно исправлять. Это была первая ошибка дилетанта. Порой некая бессистемность и есть система, как и было в его случае. Руководство – пожилая, мудрая «лиса» напряглась. Но вида не подала. Она долго выстраивала свою систему с двойным дном и не ему уж, конечно, было ее ломать. Далее, поскольку, кроме него в коллективе из 15 женщин мужиков не было, он допустил еще один промах. Уже фатальный. Он позволил себе глупость думать что, относясь ровно и уважительно ко всем, он, тем самым, улучшит рабочий климат и, как следствие, производительность труда. Михаил, как большинство мужчин в женском коллективе, был глухим слепцом среди зрячих и слышащих. Ему совершенно не видна была иерархия коллектива где, по его мнению, царила всеобщая любовь, равенство и взаимовыручка. Име-

ет ли границы мужское скудоумие!?. Он буквально умилялся семейности обстановки в трудовом коллективе, где справлялись все дни рождения работников, а также множество государственных и религиозных праздников многоконфессионального по составу предприятия. Умиляли и ежедневные коллективные и обильные обеды домашними харчами, кои приносились в судках и кастрюлях из дому и щедро металась на общий стол. Несколько озадачивала, правда, регулярная добавка спиртного ко столу персонально от директора, которая принималась на «ура». Ведь по чуточке-то можно! Для шустрости бухгалтерской мысли мол. От этой ежедневной радости его, кстати, спасало только постоянное сидение за рулем казенного авто. Несколько озадачила также и секретность величины заработной платы сотрудников. Они были вызываемы в кабинет начальства строго по одному, где и вручалось им кровно заработанное, но такое потаенное. То, что зарплату платили «в конверте» вовсе не странно. Так все делали, ускользя от бремени налогов. Но почему внутри коллектива это тайна – вот вопрос? В конце концов, он выяснил причину – зарплата была примерно вдвое ниже, чем в аналогичных фирмах. Старая лиса создала свой личный и отлично функционирующий курятник. И управляла им мудро. Да так, что куры были счастливы в нем отдавать все силы на общее благо. Они называли ее мамой! В управлении ей помогали две особо приближенные курицы. Они пользовались льготами. Финансовыми, в том числе. Информирован-

ность оплачивается всюду. Но также с их точки зрения были законны и претензии на его, зама, «особое» внимание, которого он легкомысленно не проявлял. И, тем более, что из всех женщин предприятия, не отличавшихся изяществом и притягательностью форм по причинам пристрастия к желудочным утехам, эта парочка совсем уж не пролезала в параметры. После некоторого ожидания, поняв его дремучесть в межполовых вопросах, дамы откровенно заявили о своих претензиях ошарашенному слепцу и, не получив желаемого, обратились за разъяснениями к лисе. А лиса, поняв уже, что ее заместитель бесперспективен в плане счастливого самопожертвования ради яйценоскости курятника, дала отмашку. Ату его, мол. Мало, что есть более алогично-агрессивно-го и жестокого, чем куриная стая. Короче, надо было увольняться, пока хуже не стало. В это утро сия данность была как-то особенно очевидна. Михаил написал заявление, предвосхитив театрализацию со стороны директора, громко и четко, чтобы все слышали, изложил, семейные якобы, обстоятельства увольнения и, прихватив расчет, был таков еще до обеда.

Бодро выскочив на волю, он пошагал по улице. Минут через пять быстрого шага и, дыша полной грудью, задался вопросом «Куда иду-то?». Вокруг простирался миллионный город, а пойти некуда. И не к кому. Домой в пустую кварти-

ру тем более не влекло. На душе после некоторой эйфории пустота. А ведь и вправду некуда идти. Знакомые (не друзья, их у него в этом городе вовсе не было), все были на работе. Сына, жившего своей семьей, он, оберегая от стресса, вообще держал в неведении о развале отношений с женой. Жена тоже. Сел на лавку в сквере, закурил. Так вот живешь, живешь, карябаешься, а, что в итоге? Закрутилась мысленная жвачка воспоминаний. Ну, родился. Рос смышленным и резвым мальчиком. Давалось все легко, играючи. В школе, музыкальной школе, не корпя над книгами, все сдавал вовремя. В летном училище был одним из лучших на курсе курсантом. Тоже без напряжения. Далее служба. Летал хорошо, отмечали, награждали, предоставляли. Доверяли не по годам. Все путем, без напряжения. Женитьба. Жена красавица – все заглядывались. Сын учился так же легко – порой не знали, в каком классе учится, на каком курсе. Смышлен во всех отношениях. Стала разваливаться страна – уволился. Тоже все путем. Первым из бывших военных пошел в бизнес. Быстро освоился. Вышел на уровень. Писали республиканские газеты. Нормально, без напряжения. Единственно, куда сунувшись, тут же выскочил сам – политика. Уж больно воняло там! Но без потерь. Все путем. Снова бизнес.

И тут понесло! Все начало рассыпаться в прах. Стремительно! Когда все началось? Где эта точка, с которой на-

чалось? И заходилась в вопросе мысль: « Я никому не делал плохого. Честно служил, любил, воспитывал, вел бизнес. Без напряжения, конечно, но ведь честно! За что ж меня так-то вот?». Закончились сигареты, собрал окурки в пачку и побрел искать урну. Вот бардак! Лавка есть, а урны нет. Видать уперли на металлолом. Никогда не мог бросить мусор на землю. Всегда было неудобно перед дворником, которого и в глаза-то не видел никогда. Все ведь бросают. Дворников для того и выдумали, между прочим. Такой вот комплекс, понимаешь ли.

Урна нашлась метрах в двухстах от лавки. Пока шел, снова захотелось курить и поесть да и выпить чего-нибудь после всего, что было с утра. В кармане, к тому же некоторое излишество дензнаков как некое подслащение неприятного, в общем, события – увольнения с работы. Огляделся, вокруг тихие дворики старого центра города. Не злачное, прямо говоря местечко. К удивлению метрах в десяти обнаружилась скромная вывеска «Горячие блюда». Без претензий, правда, но если и впрямь горячие – это то, что надо прямо здесь и сейчас. Модный слоган застрял в голове как гвоздь. За дверью оказался зал с низким, оформленным деревянными рейками лет пятнадцать назад потолком, сравнительно чистый. С десяток совершенно пустых столов и бар разумно расположенный для радости посетительского глаза прямо напро-

тив двери. И никого, включая персонал. Правда, запах свежеприготовленной пищи присутствовал. Это вселяло надежду исполнить замышленное. А бар напрочь отметал сомнения в принятии решения.

– Эй, хозяин!

Воззвал он негромко. На зов вышла дама в белом переднике и нелепом кокошнике из целлулоида, бисер на котором подтверждал, что это именно кокошник. Дама была дородна телом и спокойна лицом. Она обстоятельно заняла свое место за стойкой бара, не торопясь, взяла бокал, полотенце и, только начав его протирать, спросила.

– Чего изволите?

Михаил был слегка ошарашен этим оборотом речи, примененным в данном заведении.

– Будьте любезны, посоветуйте мне чего-либо достойного к обеду и из напитков также

Он поневоле перешел на предложенный язык. Дама набычилась, произвольно сдвинула набок явно непривычный кокошник и пристально посмотрела на наглого посетителя.

– В меню все написано.

С нажимом ответствовала она, протягивая ему коленкорового переплета меню. На нем золотом была вытиснена уже затертая почти надпись «Мэню». «Слава богу, все в порядке – успокоился – а то «Чего изволите?»». Не надо посетителей так пугать. А как на слабонервного нарвешься?» Тетка, явно проработавшая в общепите всю свою не короткую жизнь, была вынуждена подчиняться требованиям нового времени. И, в частности, нового хозяина – недоучки явно тяготеющего к фильмам о временах НЭПа. Она же лично, взрощенная родным советским общепитом, считала все новшества неокapи- тализма ненужным вредным фарсом.

– Ну, что выбрал чего, или как?..

Подозрительно спросила дама. Михаил, окончательно успокоившись от привычного хода вещей, назвал выбранные блюда и напитки. Устроившись за столиком у окна в ожидании обещанного желудочного удовлетворения, он стал рассматривать прилегающее к заведению пространство, отмечая, куда ведут дорожки, сквозные арочные проходы в домах, ориентируя все это по сторонам света и относительно города. Примечал, кто сидит перед подъездом или идет и куда именно. «Никогда не отвыкну, наверное. Вот ведь втемяшили в голову педагоги военные». На детской площадке, яв-

но не по погоде одетый, взглядом уткнувшийся в песочницу безо всяких следов песка, сидел мужичок. Практически без движения. «Вот еще один неприкаянный. Холодно ему, небось. Весна ранняя, однако. Хоть и южная, но невнятная в этом году» пожалел он. В зал вплыла дама с кокошником и с подносом. Она двигалась так, что, казалось, плывет над полом. «Профессионализм» – уважительно подумал. Салат, суп харчо, баранина с картофелем фри. Отметил – свежее и горячее. Без обмана. Двести грамм водки в графинчике и стакан апельсинового сока тоже привлекали. Аппетит, подогретый спиртным, заставил быстро разделаться с пищей. Недурно, недурно. Напряжение утра начало таять. Закурил, экспроприровав пепельницу за соседним столиком. Пока занимался кревоугодием, в зале появились еще человек десять жаждающих желудочных утех и сопровождающий их гормон. Мужики, в основном, из близлежащих контор, судя по деловитости и одежде, но двое из них в одинаковых совершенно черных теплых куртках с капюшоном, явно не вписывались в общий типаж. Они также сели за столик у окна, и также пялились наружу, не проявляя интереса к происходящему внутри заведения. Неспешность и обстоятельность их заказа выдавали отсутствие лимита времени. «Да мало ли какие дела у людей. Может тоже деваться не куда?» Правда, отметилось, что внимание этих джентльменов неотрывно было приковано к фигуре «мыслителя» в песочнице. «Вот как. Люди тоже жалеют сердешного» подумалось с понима-

нием.

Строгая дама снова образовалась у его столика. Деловито убрав пустую посуду, оставила, однако, рюмку.

– Еще соку?

Интеллигентно поинтересовалась.

– Конечно, будьте любезны... и водки грамм двести и салатику, пожалуй.

Да уж профессионализм не скроешь даже дурацким кошником. «Странное дело химия – подумал он – стоит изменить химический статус организма и мир меняется. Он был невыносимо плох и вот – ничего себе так. Всего-то спирт с водой введен «пер орально», а вроде как солнце проглянуло сквозь тучи». Значительно снизилось ощущение беды и тревожность последнего времени. «4.30, надо же как незаметно ускользает время». Цифры он взял с циферблата часов – тарелки над баром. И смеркается уже. Бросил взгляд в окно. Мужик в песочнице слегка поменял позу. «Крутой мужик, йог может? Или совсем уж хреново ему» подумалось. Стало как-то неуютно. Опять комплекс. Ну, сидит себе человек на холодке, может ему и не плохо вовсе, а наоборот.

Правда, все это как-то неубедительно. Была бы я мать Тереза – сходил бы, позвал в тепло. А так поймут неправильно. Оправдывайся потом еще. Отогнал неуместные душещепательные мысли. Скучно. Подошли два парня лет двадцати пяти. Свободно?.. Да, пожалуйста. Парни заказали харчи, выпить немало. Разговорились ни о чем. Погода. Футбол... Еще час долой. Двести грамм сделали свое дело. Мир сузился до размеров зала. За окном нет объектов для наблюдения. Стемнело. Вот и вечер, длинный еще, как зимний, пустой. Как пережить тебя?

Хоровод посетителей «Горячих блюд» все крутился. Стали меняться типажи. Все больше появлялись люди располагающиеся скоротать время до ночи. И вот в проеме двери показался мужик из песочницы. А точнее парень. На вид лет двадцати пяти – двадцати восьми. Довольно длинные темные кудрявые волосы почти закрывали карие, смышленные глаза. Лицо было покрыто густою черной щетиной. Очень правильные черты лица выгодно подчеркивались смуглой кожей. Короткая, довольно потертая куртка, похоже, с чужого плеча, непрезентабельные черные брюки старого фасона, который вышел из моды раньше, чем парень родился. Он быстро прошел к столику рядом и сел спиной к Михаилу, стараясь не привлекать внимания. Но старая гвардия в лице дамы в кокошнике тут же запеленговала движение. Подойдя к пар-

ню, она совершенно уж не скрывая пренебрежения с точными подозрениями о неплатежеспособности клиента, грозно спросила: «Тебе чего?». Парень схватил трепаное меню как соломинку утопающий. Однако, было видно, что взгляд его не фиксирует букв, а лишь имитирует чтение. Дама постояла рядом в тоске о былой власти пущать или не пущать всяких дармоедов в пищезаведение, но откатилась на прежнюю позицию в бар. Бдительный взгляд ее, впрочем, оставался, недремлющ и тяжел. Парень, похоже, ощущал его физически. Он некоторое время еще пробовал производить вид зачитавшегося человека, но потом неожиданно повернулся к нашему герою и без всякого предисловия спросил.

– Дайте, пожалуйста, немного денег. У меня нет совсем, а здесь поесть нужно.

Слова выдавали в парне не местного, слишком правильным произношением. Михаил удивился тому, что совсем не удивился просьбе. Мало того он, даже не спросив величину суммы молча протянул пятьдесят рублей испытав при этом даже некое облегчение. Сработала нереализованная жалость к парню, когда он сидел на холоде снаружи. Парень встал, сам подошел к бару и, сделав заказ, вернулся к своему столику. Дама в кокошнике, не трудясь сокрыть недовольства, побрела исполнять свои обязанности. Михаил же обратил внимание, что джентльмены в черном напряженно, практически

не мигая, наблюдают за маневрами парня. Когда парень развернулся, идя назад, они непроизвольно даже привстали и успокоились лишь когда тот сел за столик. Михаил заметил и то, что парень, в свою очередь, также знает о пристальном интересе к себе с их стороны. Это показалось странным, но релаксация спиртным окрашивала все в розовый свет. Да мало ли, все нормально. Дама принесла какой-то каши, несколько кусков хлеба, салат и компот, небрежно сгрузив все это ему на стол. Интенсивность поедания парнем пищи выдавала серьезный голод. «Надо было дать сотку» подумалось с досадой. Покончив с едой, парень застыл в одной позе, обнаружив полную незаинтересованность к окружающему. Михаил снова включился в пустопорожнюю беседу с соседями. Минут двадцать спустя парень довольно резко повернулся к Михаилу и также быстро начал говорить.

– Вы оказали мне одну любезность, окажите и другую. Мне необходимо выпить. Но вы знаете, что у меня нет денег. Налейте мне немного водки.

– Хотите, я дам вам еще денег

– Нет, спасибо, налейте мне из своего графина. Тем более,

что вам более не нужно пить.

Парень быстро встал и, заслонив спиной мужчин в черных куртках, протянул Михаилу стакан из под выпитого компота. «Вам более не нужно» покоробило, но он, в очередной раз удивившись своей реакции, вылил остатки водки в протянутый стакан. В то время пока он наполнял предложенную емкость, парень другой рукой вытащил из-за пазухи какую-то небольшую книгу и протянул ее.

– Возьмите, пожалуйста. Это вам за угощение. Другого у меня нет.

– Да не нужно мне от вас ничего, я и так дам!

Заупрямился Михаил.

– Возьмите же, наконец, это вам!

С упором и даже с нотками нетерпения негромко произ-

нес парень. Не прекращая опорожнять графин, Михаил взял книгу.

– Уберите ее.

Сказал парень в том же тоне. Пары алкоголя позволили, не задумываясь, включиться в игру, и быстро засунуть книгу в карман куртки.

– Спасибо большое.

Молвил парень и сел на свое место спиной к нему. Михаилу захотелось уговорить парня забрать книгу, убедив его в своей бескорыстности, но как только созрело решение подойти к парню, тот резко встал и быстро двинулся к выходу. Михаил обратил внимание, что стакан с водкой остался стоять нетронутым на столе. Несколько замешкавшись, поспешно вскочили и тоже двинулись к выходу мужики в черных куртках. «А у парня проблемы» сообразил сразу.

Он не любил расклад два к одному, поэтому тоже встал и

двинулся следом. Расчет в этом заведении брали сразу по исполнении заказа. Это был опыт – сын ошибок, да и посетителям удобно, если вдруг понадобится «свалить по быстрому». Парень шел скорым шагом в пятнадцати метрах впереди. Двое в черном отставали метров на семь. Михаил, соблюдая дистанцию, двинулся следом. Парень свернул в подворотню. Эх, не туда – тупик там, подумалось. «Не даром же наука рекогносцировки существует – по пьяному хвастливо обозначилась причастность к этим навыкам. «Впрочем, вечер, похоже, обещает быть динамичным» подумал почти удовлетворенно. Закрутилось затертое: «Драку заказывали?». Он застегнул куртку поплотнее на ходу разминая кисти рук. Однако дальнейшие события его попросту огорошили. Двое в черном, разворачиваясь фронтом, свернули следом за парнем в тупиковую арку, но тут же выскочили из нее, завертевшись на месте и энергично озираясь. Михаил снизил темп шага и принял вид безучастного прохожего. Подойдя к арке, он увидел, что она была пуста! Один из двоих, подойдя к глухой стене перегораживающей арку, пинал ее ногой, что-то, быстро говоря на чужом гортанном языке. У Михаила были неплохие лингвистические способности, но он не помнил звучания этого языка раньше. «А парень не промах» удовлетворенно подумал он. «Как ловко сманеврировал. Даже я не заметил, куда он делся» мелькнула хвастливая мысль. Да и ладно.

Уже не изображая безучастие, двинулся к дому. Пойду пешком – нужно протрезветь немного. «Как он мне врезал – то правильно. Вам более не нужно! Хоть и сопляк еще советы старшим давать, а ведь прав. И водку пить не стал, молодец». Мысли потекли бессистемно в разные стороны. Ноги понесли домой. По дороге он прошелся еще по пяти или шести барам, где намеренно прожег еще кучу времени в пустых беседах с такими же неприкаянными как сам.

Он вернулся домой в 3.15 ночи. Эти самые 3.15 навязчиво и зелено горели в темноте над телевизором...

Глава 2.

Мистика в чистом виде.

«Ерунда какая-то...» Михаил не додумал эту мысль потому, что все вокруг начало плавно с ускорением вращаться по часовой (опять часы будь они не ладны) стрелке и окружающие предметы становились прозрачными. «Во, блин, центрифуга ...» Беззвучная вспышка яркого, но не резкого, да-

же приятного для света такой интенсивности и затем полная темнота и абсолютная тишина на фоне ритмичного звука. «Я умер? Но я мыслю. И я слышу какой-то стук. А, это мое сердце стучит. А тело где? На месте вроде, только легкое очень. Как на перегрузке ноль в самолете...»

Ритм сокращений сердца явно замедлялся. Он лихорадочно пытался контролировать ситуацию, но как? Ничего не видно, не слышно. Положение тела совершенно не определяется в пространстве. Страшновато. В таких ситуациях обычно адреналин струей вбрасывается в кровь, ускоряя пульс, а сейчас сердце не ускоряется, а даже совсем наоборот. Странно все это! После очередного удара сердца следующего не последовало. Полная тишина. «Ну, вот и все. Умер» подумалось практически безучастно. А вот мысли остаются. Недавно только хотел из сна да в смерть – получите и распишитесь.

И тут навалилось изнутри каким-то взрывом. Воспоминания всей жизни. От первого открытия глаз сразу после рождения, до прочтения странного стихотворения. Все они проносились перед внутренним взором в строгом хронологическом порядке в цвете, с эмоциями, запахами, разговорами как если бы происходили в данную минуту. Он, переживая все события, в то же время был как бы сторонним наблюда-

телем с собственным потоком сознания. «Так вот оно как все было. Забыл уже многое. События, люди. Чувства» думалось как-то сбоку, как в кинотеатре. «Неплохая вроде жизнь получилась в целом-то. Но тут, пожалуй, чуточку не так бы поступил, если бы по второму разу жил, а здесь совсем наоборот. А тут просто стыд и позор! А вот это красиво – герой прямо». События последнего года смотреть совсем не хотелось, но не отвернешься. А все же жаль. Но увы, все закончилось... Однако он чувствовал свое тело! И вес потихоньку прибывал. Заработал вестибулярный аппарат и натренированно сообщил, что тело находится в вертикальном положении. Кожа и костная система сообщили, что он стоит и стоит на чем-то твердом и ровном. Но сердце не билось. Михаил пощупал пульс – его не было! «Нет. Все-таки помер, курилка! Сорок с хвостиком еще только, крепкий такой. Женщинам всегда нравился, до самого конца, практически. Даже молоденьким девушкам. И не болел никогда ничем. Вот как бывает...» – мысли продолжали течь, но эмоциями, как таковыми практически не сопровождались. «Интересно, а дальше-то что?».

«Заходите, молодой человек, заходите же!» – раздался незнакомый, с искажениями и даже с легким эхом мужской голос. Сердце не только запустилось мгновенно, но и чуть не выпрыгнуло из груди в бешеном пульсе. Все мышцы те-

ла напряглись, привычно готовясь к любому развороту событий. «Ну, чего же вы стоите, заходите!». В голосе зазвучали иронические нотки. Михаил, прочистив пересохшее горло, с опаской спросил «А куда?». «Да куда хотите, вам решать» смешливость в голосе заметно усилилась. Однако сам голос не был неприятен. Слова выговаривались предельно правильно. Так не говорят в обыденной жизни. Не хватало шероховатостей. «Издевается!» – мелькнула первая за последнее время, эмоционально окрашенная мысль. Спрашивать куда второй раз гордость не позволяла, и он поступил как все военные, туповатые, но мужественные – шагнул вперед, как ему казалось в этой кромешной тьме, прямо перед собой.

Он вышел из книжных полок от пола до потолка, заставленных книгами разных размеров и сортов, на свет, на который глаза, после предшествующей тьмы, не среагировали, как того предписывает физиология. То есть он, буквально, прошел сквозь эти самые полки с книгами совершенно не ощутив вокруг себя их присутствия. «Голограмма, похоже» мелькнуло. Михаил, выйдя из них полностью, пошарил рукой сзади и нащупал самые полки с упомянутыми книгами. Обернулся и уставился на них. Еще раз пощупал – все на местах, тактильные ощущения совпадают с данными зрительных анализаторов. Сзади раздался тот же голос, но уже

безо всяких искажений: «Бывает. Ничего, привыкнете». Михаил резко повернулся на голос. Перед ним на расстоянии трех метров стоял бородастый, с длинными волнистыми черными волосами с небольшой проседью мужчина возрастом до сорока лет. Одет был странно. Длинный, почти до пят халат, довольно вычурно вышитый, подпоясанный широким инкрустированным серебром поясом. Из-под халата выглядывали туфли с слегка загнутыми верх носами, также отягощенными цветной вышивкой и иной излишней отделкой. От мужчины веяла какая-то мощная и спокойная энергия. Михаил никогда прежде не сталкивался с подобным. Это энергия, источник которой не власть или богатство, а знание. Знание, превышающее знания этого мира. Он не сумел бы внятно объяснить эти свои ощущения, но они были совершенно явственными.

– Не удивляйтесь, майор. Шестнадцатый век. Такая мода, знаете ли. А я вас жду.

Тон был уже не насмешлив, а карие глаза смотрели очень спокойно и доброжелательно. Фигура мужчины с прекрасной осанкой, выражала абсолютное спокойствие.

– Позвольте представиться.

Сказал он, приложив левую руку к груди, и с достоинством слегка склонил голову в знак приветствия

– Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази.

– Михаил Сергеевич Тихомиров

В ответ представился он, также приложив руку к груди. А вот полупоклон был неуклюж и похож на прием «лбом в нос» как учили «рукопашники» в училище. Глаза мужчины тут же отреагировали смешинкой, но по-доброму как-то и обиды не возникло. Наоборот. Михаил представил себя со стороны и улыбнулся во все зубы в ответ.

– Я вас ждал. Дайте книгу, пожалуйста.

Михаил обнаружив, что по прежнему держит раскрытую на странице со стихотворением книгу, так в раскрытом состоянии и протянул ее мужчине. Тот взял ее, подойдя и деликатно подтолкнув Михаила к низкому столу с соответствующе низкими сидениями, похожими на лавки, обтянутые потертым бархатом объяснил:

– Вы посидите немного. Подкрепитесь фруктами и вином. Правда, – он пожевал губами – вина вам явно не хочется.

Впрочем, в синем кувшине свежий гранатовый сок.

Вина ему, мягко говоря, действительно не хотелось.

– Вы посидите, а я кое-что должен исправить в книге. Я вас не задержу долго.

И он, негромко замурлыкав какую-то мелодию, подошел к высокому пюпитру для письма. Из красивой серебряной чернильницы торчало настоящее гусиное перо! Михаил же, подойдя к столику, неловко угнезвился на низкой лавке, с удивлением отметив, что на ногах домашние тапочки. «Ну, дела!» запоздало подошло удивление всему происходящему. Есть что-либо тоже категорически не хотелось. Только пить. Поэтому он с удовлетворением и некоторой поспешностью несообразной с обстановкой выпил гранатовый сок из серебряного же стаканчика наполненного из голубого кувшина. Хотелось еще, но Михаил постеснялся повторить процедуру.

– Пейте, пожалуйста, еще – сказал хозяин дома из-за пюпитра – влага вам весьма желательна.

«Это еще зачем? – подумал с упрямством.

– Поверьте на слово и пейте, пожалуйста.

Как бы вторя его мысли, продолжил Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази, прекратив на минуту напевать приятную, похожую на восточную мелодию и что-то писать в книге. «Какое интересное имя – подумал он, наливая следующую порцию сока, потрясаяще вкусного – как бы не перепутать чего».

– А вы можете называть меня Ари. Это аббревиатура, вашему. Но здесь это вполне прилично.

«Он, что мысли читает?» забеспокоился Михаил. Следующего, уже почти логичного, ответа не последовало. Деликатно. Он бросил быстрый взгляд на Ари. Тот продолжал напевать и писать. Но на губах играла добродушная улыбка. Вопрос остался открытым. Напившись по доброму совету сока в три приема и, почувствовав существенное улучшение состояния, Михаил встал и подошел к маленькому оконцу без

рамы и стекло, полуприкрытому занавеской из плотной материи. Его по привычке потянуло определиться на местности.

Перед глазами простиралось холмистое пространство, плотно заросшее невысокими деревьями и кустарником. Среди них он отметил множество цветущих различными красками. Там, где не было более – менее крупной растительности, сквозь чахлую траву поглядывала красноватая почва. Ближе к точке наблюдения анфиладами спускался вниз по холму одно – двухэтажный средневековый город. Казалось, что дома с плоскими крышами лепятся один к другому, образуя улицы вдоль склона. По улицам сновали люди в одеждах, подобных одеянию Ари. Слышны были выкрики людей. Машин не было, зато были видны, груженные сверх всякой меры, ослики. Язык прохожих был похож на язык двух мужиков в черных куртках, виденных им вчера в «Горячих блюдах». Улучшение физического состояния привело к упорядочению мыслительных процессов серьезно нарушенных в том же заведении накануне. Тут же полезли законные вопросы. «Где я? Как я сюда попал? Почему на съёмочной, очевидно, площадке не видно камер и персонала, а шастает, где попало, одна массовка. Что такое с ним было после прочтения стихотворения и кто в реальности этот Ари?» Вопросы толкались, борясь за первенство – ответы не

поступали вовсе.

– Я закончил, мой друг – голос Ари зазвучал прямо за спиной – готов ответить на ваши вопросы. Возьмите книгу.

Оторвавшись от обзора внешней панорамы и произвольно взяв ее, Михаил спросил

– Зачем она мне?

– Это ваш обратный – Ари замялся немного, как бы подыскивая верное слово – билет.

Закончил он фразу.

– Впрочем, пойдемте, присядем, пожалуй. Так удобней беседовать.

Он сделал приглашающий жест в сторону уже знакомого низкого стола. В комнате, кроме стола и пюпитра, иной ме-

бели и не было. Пол был весь устлан коврами, довольно потертыми, различных расцветок и рисунков, а вдоль всех стен стояли только стеллажи с книгами. Единственный дверной проем без двери, завешенный пологом из той же ткани, что и на двух окнах, вел, очевидно, в соседнюю комнату.

Они сели к столу. Причем определение сел относилось только к Ари. Михаил же неуклюже умастился, не зная, куда девать ноги. Ари налил ему еще соку и пододвинул блюдо с фруктами названия доброй половины, которых он просто не ведал.

– Во-первых, брат, мы с вами действительно в шестнадцатом веке. Сейчас 1570 год, а окружающая местность называется Галилея. В вашем времени эта территория находится на севере государства Израиль. Город же, в котором мы находимся, носит славное имя Цфат. Вы его еще не раз услышите. Это очень особенный город. Один из самых древних по вашей шкале времени.

Что он говорит, как такое возможно? Восстановленная критика мышления кричала от неприятия информации.

– Вы выбраны не случайно. Впрочем, в природе нет ничего случайного вовсе. Все определено до мельчайших подробностей во всем. Вы – отличный, не испорченный человеческий материал – потому вы здесь.

«Эх, святая простота – горько подумалось – я то не испорченный материал! Лет семь назад это, пожалуй, было бы правдой». Ари продолжал:

– Вы должны выполнить несколько действий. В ходе их выполнения вы поймете многое и даже для чего это нужно, я надеюсь.

Ари вновь улыбнулся необходимо.

– Я уверен, что вы все поймете. Это так.

Уже иным тоном сказал Ари.

– Вы сейчас пойдете к себе, вам нужно отдохнуть и собраться. И кое-что узнать. Я боюсь показаться негостеприимным, но сейчас придет мой товарищ Хаим Виталь. О нем вы тоже услышите неоднократно, но пока ему еще рано вас здесь увидеть. Простите меня за это – так надо.

Ари смущенно улыбался одними глазами.

– Откуда вы знаете мой язык, если мы в Галилее? – задал Михаил первый вопрос за все пребывание в комнате – и как я сюда попал?

Ари уже не скрывая улыбки, впрочем, такой же необидной, сказал.

– Майор, если я скажу вам, что время и пространство это вовсе не то, что вы себе представляете, а разговариваем мы с вами не посредством языка и губ, вы не очень-то мне поверите. Вы так называемое «последнее поколение». Вам кроме веры подавай доказательства. И это правильно! Ну что ж, добудьте их.

«Мудрено и вправду – подумал Михаил – но к себе пойти я с дорогой душой, прямо сейчас! А там посмотрим».

– Кто был тот парень, который дал мне эту книгу вчера и что с ним?

– А, это был не парень. Это ангел.

Ответствовал Ари совершенно спокойно.

– Это не человек. Как бы вам объяснить? Порученец. Вроде робота, только программное обеспечение его – само совершенство. Не беспокойтесь с ним все в порядке. Он вообще неуязвим.

– А двое мужчин в черном, которые его преследовали? Они кто?

– А вот это можете выяснить только вы.

«Ну, теперь-то все совершенно понятно» мысленно связывил Михаил.

– А как я попаду к себе?

Спросил он вслух, допивая очень понравившийся сок.

– В прошлый раз вы предпочли книжные полки. Можно, правда, попробовать дверь. Впрочем, вам выбирать.

Ари вновь улыбался одними глазами.

– Не беспокойтесь, мы с вами еще увидимся.

Сказал он. «Вот о чем я беспокоюсь в последнюю очередь!» не без мстительного чувства за свою беспомощность в создавшейся ситуации подумал Михаил. Понимая всю

абсурдность своих действий (разум просто взбунтовался и предпочел отключиться), крепко сжимая в левой руке книгу, он двинулся к двери. Сердце вновь заколотилось от порции адреналина. «Боже, что я делаю?» проскочила последняя критическая мысль. Перед самой дверью он остановился вдруг и резко повернулся к Ари, стоящему прямо и спокойно посреди полутьмы комнаты и с какой-то очень понимающей полуулыбкой смотрящему на него. Они встретились глазами. Что-то совершенно невыразимое проскочило в их взглядах. Какое – то ощущение потрясающего родства. Родства чего? Он не знал. Но явственное чувство было! Неожиданно совершенно для себя Михаил сказал:

– Спасибо вам, брат!

Так же резко развернувшись к двери (терпеть не мог сантиментов между мужчинами) решительно шагнул в нее.

– Не полагайтесь слишком на разум, друг мой, – услышал он изменяющий уже звучание голос Ари, – учитесь верить и чувствовать!

Голос оборвался, как и все звуки, кроме замедляющегося стука сердца. И почти полная тьма. В отличие от первого раза она не была абсолютной, хотя что-либо различить все равно не представлялось возможным. Сердце остановилось. Тело невесомо, в пространстве не ориентировано. «Ну вот, опять двадцать пять. Какая вычурная галлюцинация. Привиделось все видимо, а на самом деле умер ты. Почил в бозе, так сказать да и застрял невесть где. И что дальше? Опять эмоции стерты почти до нуля. «Что там мне Ари сказал напоследок? Учись верить? И чувствовать. Надоело тут болтаться». Сила тяжести стала нарастать, подтверждая правильную ориентацию тела в пространстве. Домой хочу – попробовал посмелее. Процесс пошел, как показалось, побыстрее. Слегка посветлело. Михаил стоял в сером ничто и нигде. Куда теперь? А махну как в прошлый раз прямо! И шагнул. Вывалился из стены в гостиной своей квартиры между столом и креслом, не задев ничего. Книга в левой руке. «Ну все, блин. Дома!» Положил книгу на стол и ощупал себя. И привидится же такое. Страшно хотелось курить. Вот, что значит нездоровый образ жизни! И курить брошу – разум услужливо подбросил очередное успокоение. Чего-то не хватало. Часы показывали 12.20. Чтобы увидеть, пришлось прикрыть табло часов рукой. Жена еще в Интернете. Опять полоснуло по сердцу. Все по-прежнему. Закурил. Взял книгу в руки, повертел. Открывать было как-то боязно. «Да ладно тебе. Сколько можно! – разум выползал из своего убежища –

этот бред не может длиться долго». Михаил открыл книгу на первой странице. Над стихотворением была приписочка тем же почерком: «Учитесь верить и чувствовать, майор»...

Глава 3.

Торжество логики и ее фиаско.

Вот так влип, браток! Эк тебя угораздило в такое попасть. Да еще понимал бы хоть что-нибудь. Забыв закурить, он плюхнулся в кресло. Мышечная память услужливо подбросила воспоминание от недавнего сидения на неудобной низкой лавке. Недавнего? Михаил даже рассмеялся вслух. Только, что, а именно четыреста тридцать пять лет назад, я сидел на лавочке и попивал вкуснейший без малейших примесей консервантов гранатовый сок, так чудесно освеживший после вчерашнего злоупотребления спиртным, и который, кстати, еще приятно плюхается у меня в желудке. Это было в помещении практически рядом с моей квартирой. В каких-нибудь полутора тысячах километров от нее. Смех носил явную нервическую окраску. Да, так вот и сходят с ума! Он бросил взгляд на книгу, лежащую на столе. Это един-

ственная вещь, способная хоть как-то связать все события последних суток. Здравый смысл, снова не справившись с ситуацией, сделал попытку отключиться.

Стоять! Михаил усилием воли заставил себя мыслить логично. Вчера был тяжелый день. Так? Так! Закончился он не лучшим образом. Было такое! Утром я открыл книгу и попал в шестнадцатый век. Стоп! С этого момента начинается мистика. У людей, даже здоровых, могут случиться галлюцинации и вполне правдоподобные? Могут! Тем более, что присутствие алкоголя является явным провоцирующим фактором. Да легко! А книга? Просто дал тебе ее тот парень. Парень как парень. Есть захотел, а денег нет. Ну и расплатился, как мог. Кто его знает, где он ее взял? У бабушки своей, может. Книга как книга. Ну, разве, что старинная. И, что с того? А посмотрю-ка я ее повнимательней, и все встанет на свои места. Логика хорошая вещь!

Михаил снова взял книгу в руки. Кожа обложки как живая даже с ощущением пульсации. Да это мой собственный пульс! А чей же еще? А кожа просто очень хорошей выделки. Хорошо, разобрались! Раскрыл на первой странице. «Учитесь верить и чувствовать, майор» гласила приписка перед стихотворением. Написана она была теми же чернилами и

почерком, что и стихотворение. И буквы были так же как бы в глубине бумаги, только размером поменьше. Возможно, какая-то утраченная технология. А майоров на свете было как собак нерезаных. И будет еще. Несть им числа этим майорам. Михаил поневоле стал снова читать странное стихотворение, но тут же остановился. Мало ли чего? Ну, вот опять! – досадливо подумалось. Мужик, да возьми же себя в руки! Продолжил читать. Не без опаски, правда. Дочитал до конца. Внутренне сжался. И ничего! Вот и вся ваша мистика. Логика! Отлегло сразу от сердца. Встал, положив раскрытую книгу на стол, и принес пепельницу с сигаретами. Закурил с наслаждением. Все встало на свои места. Он, занятый иллюзиями, даже забыл о реальном состоянии дел. Невеселом, прямо сказать. Надо было что-то решать...

«А чего тут думать – трясти нужно!» цитата из старого анекдота подсказала путь. Нужно заняться уборкой того, что наделал ночью. А заодно и того, что наделалось как-то само за последнее время. «А сок-то хорош был» подумалось. Тыфу ты, опять! Нужно потрудиться. Физически. Дурь из головы-то и выветрится. Михаил взялся за уборку с разгромленной кухни и расширился в трудовом рвении на всю квартиру. Работа приносила даже некую радость, и, заняв часа два, разродилась хорошими результатами. Все сияло, не валялось и находилось на своих местах. Результаты же, в свою

очередь, благотворно сказались и на душевном состоянии. Как мало иногда нужно человеку – простое действие и тебе уже лучше. Лучше, чем алкоголь. Каламбур получился. Или не каламбур? Михаил не был силен в филологических тонкостях. С чувством удовлетворения он, наконец, плюхнулся в кресло у столика и закурил уже честно заработанную сигарету. «А что там, в книжке еще?» рука фривольно раскрыла книгу и перевернула страницу со стихотворением. «Михаил Сергеевич, убедительная просьба – не откладываете действия в долгий ящик. Слушайте чувств. Успехов, Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази». Прочитал он сверху на следующей странице.

Он сидел оторопело, переваривая прочитанную фразу. Сигарета, испустив в последней агонии струйку дыма, догорела в пепельнице не выкуренная. В голове была полная пустота. Яркий, подробнейший образ Ари с его доброй улыбкой стоял перед мысленным взором. Все существо его вновь было повергнуто в полный раздрай между разумом и эмоциями. «Да, что же это такое?! – он даже не заметил, что мыслит вслух – что вам всем от меня нужно? Я же все уже расставил по местам. Ну не идти же мне к психиатру, в конце-то концов! Я здоровый человек. Да, есть некоторые трудности в жизни. А кому сейчас легко? Я никому не собираюсь отдавать отчета! И никому не должен никаких действий!» взбун-

товалось сознание.

И тут он задумался. Глубоко задумался: «Здоровый? Да ведь только сегодня утром ты не хотел просыпаться, мечтая умереть во сне. И не потому, что было физически плохо, а потому, что было невыносимо плохо на душе. И не потому, что пошатнулись привычные экономические устои, а потому, что, потеряв нечто очень важное, совсем не материальное, ты лишился всех человеческих желаний и желания жить как следствие. Это трудно соотнести с понятием «здоровье». Кого ты сейчас пытаешься обмануть? Себя?» Михаил продолжал недвижно сидеть. События последних суток снова закружились в мыслях. Какая-то часть глубоко внутри него была готова во все это поверить и принять. Это странное чувство прирастало, потихоньку явившись зародышем еще более странной мысли: «Так что же ты в этом случае теряешь. За что так тупо цепляешься? За догмы, которые в твоей ситуации яйца выеденного не стоят». Что-то менялось в мироощущении. Какие-то базисные понятия стали покрываться паутиной трещин – предвестником разрушения. «Как там Ари сказал? Учись верить и чувствовать, майор» появилась совсем уж крамольная с точки зрения здравого смысла мысль. Михаил вспомнил присказку своего отца: «Семи смертям не бывать, а одной не миновать». Не так фатально, конечно, но общий смысл передает точно. «А что я теряю,

в конце концов? Верить меня уже учили, а вот чувствовать можно попробовать научиться» подумал он, резюмируя весь свой мысленный бред. С чего начать вот только? Всплыло былое желание купить жене компьютер, чтобы она не ходила в эти чертовы Интернет кафе. Михаил боялся, что она отвергнет этот его жест, и он будет чувствовать себя полным дураком. «Я боюсь поверить даже в то, что сам очень хочу – почувствовать вновь близкого человека! – пронзила его внезапная мысль – ну разве не прав АРИ? » Вот с этого и нужно начать пробовать учиться!

Теперь он даже не пытался разложить возможные последствия на составляющие. Михаил забегал по квартире, разыскивая все, какие имелись, наличные деньги и сберкнижки. Сел, посчитал. Затем, узнав через справочную адрес и телефон ближайшего магазина, торгующего компьютерами, позвонил и справился о примерной цене приобретения. Денег хватало и немного даже оставалось. Он с энтузиазмом оделся и резво двинул в банк, а затем в магазин. Выбрав по совету консультанта соответствующую конфигурацию компьютера и дождавшись комплектации ее на складе, поймал такси и привез все хозяйство домой. Распаковав все составляющие, с увлечением собрал воедино имеющиеся ингредиенты, радуясь, что производители позаботились о пользователях, сделав разъемы кабелей неспособными к попаданию не в свое гнездо. В конечном итоге на придвинутом к стене столе мате-

риализовался новый элемент интерьера – работающий «символ эпохи». С не меньшим энтузиазмом установил операционную систему и необходимые на первый случай программы. Все работало! Михаил был горд собой, забыв, что все навыки приобрел у сына – продвинутого юзера. Привить эти навыки Михаилу было нелегко, но сын, судя по результату, справился неплохо. Сел перед «символом» и затих.

А дальше? Дальше было самое тяжелое. Позвонить жене на мобильник. С полчаса он сидел и думал. Что он скажет? Ничего не надумал. Взял телефон и набрал номер. Трубка долго молчала. Несколько раз палец был готов нажать отбой. Но не нажал. «Да?» – сказала жена.

– Ты это, приходи домой.

Он чувствовал, что говорит оловянным языком деревянные слова. Тишина. Досада на себя уже поднималась, но она вдруг сказала просто.

– Сейчас приду.

И все.

– Жду!

Успел он крикнуть в эфир до отбоя с той стороны. Михаил засуетился, собирая пустые коробки и упаковочный пенопласт, соображал, куда все это деть. Наконец сообразил – выволок и свалил, как попало, на балкон. Благо холодно. Вытряхнул пепельницу, проветрил комнату и, еще раз внимательно осмотрев всю квартиру на предмет возможного беспорядка, уселся ждать. Она пришла минут через пять. Не позвонив, открыла дверь своим ключом и, зайдя в комнату, с удивлением уставилась на приобретение.

– Это что?

Спросила неуверенно.

– Это компьютер. Это тебе. Ты знаешь, я не хочу, чтобы ты ходила куда-то ночью.

Михаил выговаривал эту катастрофически длинную фразу, уперев взгляд в окно. Время, казалось, остановилось. Михаил третий раз за день испытывал это состояние. Прав Ари – с понятием времени не все так просто. Он, внутренне сжав-

шись, отодрал взгляд от окна и посмотрел на нее. Она стояла и беззвучно плакала. И это вопреки всем страхам, что он ожидал. Все, что угодно мог он выдержать, но только не ее слезы. Тем более без слов. Михаил молча подошел и обнял ее. Она обняла его в ответ.

– Где же ты был так долго?

Спросила она тихо. Михаил не имел ответа. Подхватил ее на руки и унес в спальню. Впервые за целый месяц. Пока нес она, продолжая всхлипывать еще, тихо сказала:

– А я тебе соку купила, гранатового...

Может быть, уметь верить и чувствовать действительно очень важно?

Глава 4.

С чего же начинать?

Ему приснился Ари в своей комнате с пюпитром во всех

мельчайших подробностях. К знакомой обстановке лишь добавились два изящных медных, очень интересной конструкции масляных светильника, освещавших комнату. При этом было понимание, что это сон. «А, это вы. Рад видеть – сказал он, улыбаясь своей особенной улыбкой – Как вы, отпустило?». «Да, много лучше – ответил он – спасибо». «Я хотел бы вам кое-что показать – сказал Ари – смотрите». Он показал рукой на стену с полками книг, которая в ту же секунду начала плавно исчезать с неким волнообразным мерцанием, пока не открылась полностью ночная панорама за ней. Холмистая местность вдали и анфилады улиц города были залиты ярким светом луны. Воздух был очень прозрачен, и были видны даже мелкие подробности ландшафта. Михаил пристально вглядывался в открывшееся пространство, понимая, что должен увидеть что-то, что еще пока не разыскал взором. Но он не мог увидеть ничего необычного. «Не видите ничего особенного? – с нотками иронии спросил Ари – вы не так смотрите. Смотрите сердцем. Почувствуйте это. Вы убедитесь, что это хорошо!». Михаил пытался изо всех сил. Было ощущение, что ОНО рядом совсем. Но, что это такое, что он должен был увидеть, он не знал. Михаил закрыл глаза, критическая сторонняя мысль говорила о том, что невозможно закрыть глаза во сне. Он пытался почувствовать ЭТО. И ЭТО пришло! Все пространство стал постепенно заполнять свет. Свет совершенно необычный и не поддающийся никакому описанию. Свет, самый мощный из когда-либо виденного им

по интенсивности, во сто, тысячи или Бог его знает, во сколько крат, но абсолютно не слепящий, и неодолимо притягательный! Михаил не смог бы никогда определить спектр его. Скорее всего, можно было бы сказать, что вся радуга присутствовала одновременно в смеси цветов. Как это возможно, он совершенно не понимал. Да и не хотел! Параллельно с нарастанием интенсивности света появился и звук. Сначала нечто вроде шепота из тихих слов, а затем громче, а затем слова стали сливаться в сложный звук. Интенсивность звука так же росла. Он превращался в мощную музыкальную гармонику совершенной структуры и потрясающей красоты. В нем присутствовали все регистры от самого низкого до самого высокого также одновременно. При его статичности в нем, в то же время, присутствовала мелодия. Его стало наполнять чувство невообразимого, никогда прежде не испытываемого ранее восторга, который заполнил все его существо без всякого остатка за пределами! Одновременно он ощутил знание всего сущего. Всего, что знал, о чем когда-либо догадывался и о чем не подозревал даже никогда. Михаил чувствовал Вечность и Красоту и бесконечное Добро, исходящее от КОГО-ТО, КТО его, Михаила персонально, очень любил. Он был готов находиться в ЭТОМ всегда!

Но это был сон. И его потрясающей, не испытываемой прежде силой эмоций выбросило из сна. Михаил стал ощу-

щать себя отделенным от сна, открыв глаза и наблюдая угасающие сполохи света и звука, как ему казалось все еще наполнявшие спальню. Вся его физиологическая составляющая работала на пределе возможного. Мысли же были просто неуместны. Но было чувство, совершенно неожиданное. Узнаваемости увиденного притом, что он прежде никогда не ощущал ничего подобного. Михаил очередной раз утратил чувство времени, переживая остатки эмоций. Жена, доверчиво разметавшись, посапывала рядом. Сейчас все недоразумения, произошедшие между ними за последнее время, выглядели чистейшим и необъяснимым абсурдом. Он не заметил, как заснул, снова обняв ее с нежностью.

Михаил проснулся первым и, увидев рядом спящую жену, решил не будить ее. Пусть спит, стирая усталость последних бессонных недель. Он смотрел на нее и удивлялся: «Боже, какая она красивая! Где были мои глаза последнее время? Разве все богатства этого пошлого мира стоят вот этого мгновения? Одного мгновения!» Утро билось в окно солнечным светом. Испугавшись, что разбудит ее, он, прикрыв поплотнее шторы, вышел тихо в гостиную и обнаружил работающий в «спящем» режиме компьютер. Оживил его и вошел в Интернет. В окошке поиска любимого «Яндекса» ввел: «Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази» и щелкнул кнопку поиска. Поисковик вывалил ряд ссылок. Не задумываясь, он

щелкнул первую из них и прочитал:

«Ари – Ашкенази Рабби Ицхак, 1534-1572. ...После Книги Зоар следующий каббалистический «взрыв» в Цфате пришелся на вторую треть 16 века. В 1570 году там появился рав Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази, или как его называют – Ари – адонейну рабейну Ицхак. Человек – легенда. Почти все, что мы знаем о нем – это сказание.

Почему-то так случается в истории, что часто мы располагаем самыми подробными данными о жизни совершенно незначительных людей, и ничего или почти ничего не знаем о жизни людей великих. Так и про Ари ходит множество легенд – а его могила в Цфате – место паломничества и источник чудес ... Люди приходят сюда с любыми просьбами, и они выполняются, если исходят из сердца.

Итак – Цфат , 16 век. 1570 год по европейскому календарю. Весна. Север Галилеи в цвету. Склоны холмов – смесь зелени и желтизны, природа поспешно использует те несколько месяцев, которые есть в ее распоряжении между зимними проливными дождями и нестерпимым летним солнцем. И эта суматошная активность природы заставляет двигаться и людей. Заставляет их задуматься о собственной жизни: кто я такой, откуда появился на этом свете, куда я иду по этой

жизни и какой во всём этом смысл? Да и вообще, время вокруг какое-то осязаемое, его можно потрогать руками – настолько оно уплотнилось здесь в Цфате».

Страница закончилась. Михаил шелкнул в следующую, но ничего не произошло. Он некоторое время нетерпеливо тыкал во все кнопки, которые находились в поле зрения. Эффекта – ноль. Завис. «Щас, я тебя перегружу и, как миленький, заработаешь» – нетерпеливо стал пытаться перезагрузить компьютер. Дудки! Вспомнил, как сын в подобных случаях компьютерных забастовок говорил: «Семь бед – один ризет» и мстительно нажал кнопку, помеченную словом “Reset”. Все весело погасло. Щас, щас ты перегрузишься, куда ты денешься. Он даже тихонько барабанил пальцами по системному блоку в нетерпении. Полная тишина. И красная лампочка моргать перестала. Пять минут ожидания даже компьютерному «ламеру» дали понимание, что машина работать не будет. Проверка плотности соединения проводов и наличия напряжения в сети также к какому-либо результату не привели. Вот, дьявольщина. Ведь все работало! Еще пара тройка вышеупомянутых действий (упрямство было его не лучшим качеством, нужно сказать) окончательно развеяли надежды. Ладно, машина на гарантии. Однако, острое желание узнать побольше об Ари стимулировало мыслительные процессы. Подался на балкон и, упорядочив выброшенные

накануне коробки от чудо – техники, закурил.

«Так вот оно, как все разворачивается» былых мыслей о мистике не было и следа. Михаил пытался связать все события в единый блок. Но попытки натыкались на беспомощность разума. Полезли вопросы густыми рядами. На них накладывали свой отпечаток переживания сна. «А причем здесь я?» – был первый из них. Совершенно безответный. «Что же мне приснилось?» он вообще не сумел это хоть как-нибудь классифицировать. Но он помнил свои физические ощущения. И совершенно точно мог сказать, что будь это не сном, он искал бы эти ощущения хоть на дне океана, хоть в космосе. Не важно! Столь притягательными они были. «Кто я такой, откуда появился на этом свете, куда я иду по этой жизни и какой во всём этом смысл?» цитата из статьи в Интернете вернула его во времена юности. Эти вопросы постоянно крутились в голове лет в пятнадцать – семнадцать. Иногда, когда он глубоко задумывался ими, его спрашивали: «О чем думаешь?» и он честно отвечал о чем. Но не было случая, чтобы окружающие восприняли его ответ иначе, нежели как более или менее удачную шутку. Порой ему от этого становилось грустно. «Ну почему мне не верят? Неужели это больше никого не интересует?». Однако, затем жизнь закрутила его. Познание, становление, достижение череды целей установленных социумом. Откровенно бытовые проблемы,

решение которых так же оказалось захватывающим и притягательным. Привычки и страсти, которые он примерял на себя. И перемерил их, пожалуй, все, за исключением совсем уж постыдных или особо вредных.

И что? Как итог – эти вопросы: «Кто я, что я, зачем я здесь?» были погребены бытовухой и навязанными обществом многочисленными желаниями. И они не появлялись даже на минутку долгие годы. Но сейчас вновь пришли. И пришли с многократно умноженной остротой. Сейчас, когда он выполнил все, что «должен» был выполнить по требованию мира людей, он не мог уже жить не получив на них ответа. Михаил «шкурой» чувствовал, что логика жизни человечества страдает дефектом. Человек рождается, растет, развивается, познает, создает, выходит на пик своего развития и... умирает. Абсурдно. Но это еще пол беды! Вся его жизнь, обуреваемая различными желаниями, наполнена страданием с небольшими лишь вкраплениями короткой радости. Любая мечта, к которой идет человек с великими трудами и лишениями, тут же умирает, едва он коснется ее. И вот она, достигнутая, ничего уже не стоит! И нужно ему искать следующего желания, бежать за ним, чтобы, наполнив его, тут же утратить его вкус. И так из поколения в поколение. Нескончаемая череда людей рождающихся и умирающих на земле с нескончаемой чередой желаний, тоже уми-

рающих сразу по их достижению. Михаил более не хотел бежать этой дорогой. Чувствовал, что существует что-то другое, что способно оправдать жизнь человека чем-то иным, нежели человеческая мораль, нарушаемая этим самым человеком на каждом шагу. Но где это другое и что оно такое? Он не знал. Не знал так же где его искать. Интуитивно он чувствовал, что возможные ответы он сможет получить при помощи книги полученной им от «Ангела». Михаил внутренне усмехнулся при этой мысли. Ангелы, черти – докатился. Тем не менее, он взял в руки книгу продолжавшую лежать на столике. Снова те же ощущения живой кожи.

Михаил решил исследовать ее поглубже. Притом, что книга была очень древней, состояние ее было идеальным. Пролистав первую страницу со стихотворением и увидев на следующей странице знакомое уже обращение к нему, под ним и далее на всех страницах был текст, написанный знакомым почерком. Но вот язык текста был незнаком. Михаил не смог определить его принадлежность. Была некая схожесть с арабским, но не вязь. Иногда текст прерывался какими-то схемами с пояснениями и подписями на том же языке. К прочтению невозможно. Что же делать? Он, после некоторых размышлений, решил обратиться к книжным антикварам. Михаил слышал, что настоящий собиратель в первую голову исследователь и обладатель знаний. И где же их найти? А там, где эта самая старина храниться. В музеях. Некий

план уже был.

Это обнадежило и пробудило аппетит. В смысле желудочный. Михаил, не кулинар по определению, решился на подвиг – состряпать завтрак себе и жене. И был собою горд безмерно. Заглянув в холодильник, обнаружил десяток яиц, молоко и кусочек заветренного сыра. Не густо. В иное время его эта скудность яств привела бы в полное творческое отчаяние. Жена точно и лаконично охарактеризовала подобные его свойства – ты способен помереть от голода у дверцы переполненного едой холодильника. Но сейчас он был в остром приступе поварского наития. Это обстоятельство позволило ему приготовить кофе и омлет. Михаил справился даже с сервировкой. На шум и запахи пришла жена и стояла на пороге кухни в глубоком изумлении. Такого дара в нем она не могла даже заподозрить. Прошу к столу! – с пафосом и вычурным жестом он пригласил к трапезе. Актерство в нем было даже не в нулевой степени, а со знаком минус. Она от такой картины не могла не смеяться. Они ели, и предыдущий год казался нереальным.

– Ты знаешь, я уволился с работы.

Сказал он не без опаски, ожидая ее реакции. Она вынужденно не работала уже с полгода и довольно тяжело это переживала.

– Слава Богу.

Ответила она с видимой радостью.

– Я же видела, как тебе там не нравилось.

– Я найду другую работу. В ближайшее время – заторопился он – У меня есть кое-какие планы.

– Ты бы повременил немного. Отдохни. Нам обоим есть от чего отдохнуть. К тому же, мне кажется, тебе есть, чем заняться сейчас. Как-то определиться.

Она, предвосхитив любые возможные возражения, тихо и твердо добавила.

Я серьезно!

Михаил уставился на нее в удивлении. Она, что все знает?

– Что ты имеешь в виду?

– Я думаю, что ты должен осознать, куда идти дальше. В каком направлении. Я вообще о жизни. Это займет некоторое время. А там видно будет...

– Ты права, пожалуй. Есть о чем подумать. Кстати, я, кажется, собрал компьютер не совсем так, как надо. Он у меня завис насмерть. Я схожу в магазин, притащу спеца – он наладит.

– Не торопись. Не бойся, я не пойду больше никуда.

Она совершенно четко читала его тревогу и улыбнулась так, что все сомнения унесло в небытие.

– Мне так хорошо дома.

– Да, я хочу сходить в музей. По делу одному...

Михаил ожидал ее удивления, и пауза несколько затянулась. Безо всякой, впрочем, недоуменной реакции с ее стороны. Она просто продолжала есть. С неподдельным удовольствием.

– Ты не против? Может быть, пойдём вместе?

– Нет, пожалуй. Я останусь дома. Я соскучилась по нему. По дому, не по квартире.

Михаил понял. В ее глазах он также видел понимание. Его, этого самого понимания, так давно и безуспешно хотелось. Впервые, за много уже месяцев, он был спокоен.

Глава 5.

Попытки узнать и их последствия.

Он вышел на улицу. Подморозило лужи. Юг югом, а зима

еще в правах. Михаил направился в краеведческий музей. Идти было недалеко, кварталов пять-шесть. Он шел быстро, почти бежал, с удовольствием расходуя энергию. Надо бы физкультурой какой-нибудь заняться. Жизнь пока продолжается! Сегодня он чувствовал ее вкус. Он подошел к музею, с интересом его разглядывая. Надо же, сто раз проходил мимо и ни разу не видел какой он. Помпезное здание прошлого столетия – само памятник архитектуры. Обилие лепных украшений на фасаде в виде пышных обнаженных дам с крупными виноградными кистями в руках, выдавали в его бывшем владельце не маскирующегося эпикурейца. Зайдя в фойе, обнаружил пустую кабинку с надписью «касса». После улицы в музее была ватная тишина. В воздухе витали запахи краски старых картин и многого другого, что есть в музеях. Михаил потоптался немного и заглянул в первый зал. Никого. Он обнаружил глазок телекамеры под потолком в фойе и, подойдя поближе, помахал приветственно рукой. Маневр удался. Из недр выполз помятый лицом и формой одежды милиционер и уставился на него.

– Вы в музей? Экскурсия?

– Ну, да. Только я один.

– ? Сейчас позову бабулю. Милиционер ушел звать работницу музея.

Через пяток минут пришла пожилая и типичная представительница музейного племени. Михаил купил смехотворно дешевый билет со схемой экспозиции на обороте.

– Проходите. Там – она махнула рукой на вход в залы – вас встретит Мария Ивановна. Она гид. Она все вам покажет.

И он прошел в залы музея. На стенах, стеллажах и полу стояли, висели и лежали экспонаты с пояснительными табличками. Классифицированные по эпохам или тематикам они отражали бывшую жизнь материальными свидетельствами в виде картин, горшков, костюмов и пулеметов системы «Максим». Эта смесь вещей отражала устремления и страсти давно умерших людей. Сегодня вид их вызвал чувство ненужности этих самых вещей. Людей-то самих уже нет, а их вещи есть. Странно. Думал он. Ведь без самих людей теряется смысл существования вещей. А они вот собраны в кучу и кричат о бренности человека. Присутствовало ощущение их неуместности и отсутствия к ним интереса. Михаил шел,

скользя невнимательным взглядом по экспонатам в поисках гида.

Встретилась искомая Мария Ивановна в третьем по счету зале. Она протирала, а вернее очень аккуратно сбивала пыль с греческих амфор пушистой веселенькой окраски пылесбивалкой. Правильного названия этого инструмента он попросту не знал. Михаил не смог бы отличить Марию Ивановну от первой старушки – билетерши, столь они были одинаковы. С уверенностью можно было сказать, что они – неотъемлемая часть музейной экспозиции. Причем главная, поскольку из всех экспонатов именно они были живыми. Следовательно, именно и только они могли стать неким оправданием наличия столь многого количества вещей в одном месте. Вещи имели счастливую возможность служить, как им и полагается по статусу, служительницам музея. Михаил даже улыбнулся такому выводу. Мария Ивановна вопросительно подняла брови, заметив его улыбающегося.

– Вы на экскурсию, молодой человек?

Михаил не нашел в себе силы соврать и честно сказал, что пришел получить информацию.

– Чем могу помочь?

С интересом спросила Мария Ивановна.

– Понимаете, я неожиданно стал обладателем очень интересной старинной книги. Но я полный профан в подобных вещах. Однако, она мне очень интересна, и я хотел бы узнать о ней побольше. Я уверен, что вы знаете специалистов в этой сфере. Такая вот просьба...

Михаил попытался сделать приличествующее ситуации праведное лицо, как ему представлялось. Бабуля это заметила и улыбнулась едва, однако взглядом таки потеплела.

– Сейчас таких уже нет. Остались просто собиратели старины с целью вложения денег.

Взор ее полыхнул негодованием от такого святотатства. При этом она пристально, не торопясь, осмотрела Михаила целиком. Тот был уже готов отвергать несправедливые подозрения и ретироваться и даже открыл, было, рот. Однако

служительница вновь смягчилась. Уф... А непроста бабушка-то, хоть и телом тщедушна. Не делай выводов по внешности – старая истина.

– Впрочем, есть еще один, я надеюсь. Он давно уже к нам не заходит. Возраст уж почтенный. Но знаток! У нас был где-то его телефон. Я постараюсь вам помочь. Пойдемте.

Она повела его в следующий зал, где было еще одно помещение, обозначенное медной табличкой «Хранилище». Ниже на бумаге отпечатано, на пишущей машинке «Посторонним вход строго воспрещен». Бумага была желтой от времени висения на двери. Она остановилась перед дверью, и довольно строго взглянув, сделала ограничивающий жест, призывающий к ожиданию. Михаил всем видом постарался выразить полное согласие со священным правилом. «Строго» оно и есть «строго». Понимаем, все по взрослому.

Она отсутствовала около десяти минут. Он за это время рассмотрел все экспонаты зала, посвященные периоду гражданской войны. Шинели, буденовки, ордена того периода навели на мысли о глупости и жестокости рода человеческого. Любая война – это гадко. Михаил знал это изнутри профессии. А гражданская война вообще не поддается оценке. Большой гадости в межчеловеческих отношениях и приду-

мать невозможно. Сын на отца, брат на брата! Наконец Мария Ивановна появилась из Хранилища с бумажкой в руке.

– Вот его телефон. Его зовут Эдвин Михайлович. Пожалуйста, только он и остался из знающих, способных вам помочь, если он согласится, конечно.

– Спасибо вам огромное.

Михаил взял бумажку, доставая сотовый телефон.

–Я могу сослаться на вас?

Она кивнула головой утвердительно.

– Передавайте ему поклон.

Сказала она, слегка смутившись, даже зардевшись но, не двинувшись с места.

Михаил набрал номер из бумажки. Ждать пришлось довольно долго. Наконец трубка ответила тихим старческим

ГОЛОСОМ «АЛЛО».

– Здравствуйте, Эдвин Михайлович, я Михаил Тихомиров, звоню вам по рекомендации Марии Ивановны из краеведческого музея. Мне по случаю попала очень интересная и, как мне кажется, старинная книга. Я очень хотел бы узнать ее происхождение. Похоже, только вы сумеете мне помочь, если, конечно, вы не против?

– А, как Мария Ивановна? – Вопросом же ответил абонент.

– Вот она рядом стоит. Поклон вам от нее. Впрочем, я предаю ей трубку.

Запоздало сообразил он, протягивая мобильник. Ну, надо же – конспирация. Внутренне усмехнулся. Мария Ивановна некоторое время отвечала только одним словом «Да», всякий раз поглядывая при этом на него. Взгляд был снизу вверх в силу роста старушки. Было немного забавно от этого. В итоге тотального телефонного соглашательства она витиевато распрощавшись, как уже не говорят давно, вернула ему

трубку.

– Запомните адрес.

Эдвин Михайлович назвал адрес в паре кварталов от музея

– Я вас жду прямо сейчас.

После чего телефон загудел отбой. Михаил сердечно поблагодарил отзывчивую, но бдительную хранительницу мертвого времени и отправился в направлении, указанном Эдвином Михайловичем. Довольно быстро отыскав нужный адрес, он вошел в чистенький подъезд старого трехэтажного дома. Квартира оказалась на последнем этаже. Он покрутил рукоятку механического звонка, торчащую прямо из середины двери. «Филиал краеведческого», – подумалось. Звонок издал противный дробный звук без намека мелодичность. Довольно громкий, впрочем. За дверью раздались тихие шаги. «Кто там?» Михаил снова представился. Судя по щелчкам и лязганью задвижек, квартиру без длительной осады не взять. Звякнула последняя цепочка и дверь открылась. На пороге возник пожилой мужчина – копия двух музейных старушек только мужеского пола. Глаза, бесцветные уже, зорко и со знанием дела быстро осмотрели посетителя.

– Книга при вас?

Внимательный взгляд прямо в глаза. Фейс-контроль, усмехнулся Михаил про себя. Дедушка, да не играй ты в казачки – разбойники. Дверь-то отворена уже. Но вслух только коротко.

– Вот, пожалуйста.

Михаил протянул вынутую из внутреннего кармана книгу. Эдвин Михайлович книгу брать не стал, а, сделав приглашающий жест и пропустив посетителя, тут же сноровисто стал закрывать вход в жилище на все запоры.

– Проходите прямо.

Михаил, пройдя по прямому, темному и довольно длинному коридору с тремя боковыми дверьми попал в просторный кабинет хозяина. Изобилием книг на стоящих вдоль

стен полках до потолка кабинет напоминал комнату Ари. Разница была в интерьере и облике Эдвина Михайловича. К своему удивлению Михаил заметил в углу кабинета компьютерный стол с компьютером, усугубленным различной компьютерной периферией. «Продвинутый старик», – подумалось с уважением.

– Позвольте взглянуть на ваш экземпляр, – попросил Эдвин Михайлович.

Михаил снова протянул книгу. На этот раз Эдвин Михайлович ее взял. И надо было видеть, как он это сделал! Эксперт взял ее бережно, как великую и очень хрупкую ценность. На носу у него были невообразимой оптики очки, сквозь которые он рассматривал переплет книги с тщанием. Затем он положил книгу на стол перед компьютером и открыл ее первую страницу. Глаза его, непотребно увеличенные очками, сделались еще больше. Казалось, он способен вобрать ее взглядом внутрь себя.

– Откуда она у вас, молодой человек?

Спросил строго с видом следователя милиции.

– Досталась по случаю. Но я ее точно не крал.

С нажимом уточнил Михаил.

– Этого я не утверждаю, – он углубился в рассмотрение первой страницы. – Но не исключаю, – тоном ниже закончил Эдвин Михайлович.

Михаила бросило в краску. «Какого черта я связался с этим расследованием. Если «Ангел» ее где-то спер, а все предшествующие события все-таки являются плодом моего воображения, то мне придется доказывать, что вор не я. Но еще никто и никогда не позволял себе заподозрить меня в подобной низости!» События принимали совершенно неприемлемый оборот.

– Я никогда не воровал и не позволю никому даже намекать на такую возможность. Даже в принципе.

Глухо и внешне очень спокойно сказал Михаил.

Вам в том числе.

Подобный тон его всегда действовал охлаждающе на любых оппонентов. Эдвин Михайлович не явился исключением. Он оторвался от исследования первой страницы и воззрился на Михаила в недоумении:

– Успокойтесь, молодой человек. Я действительно этого не утверждаю. Но я много пожил на этом свете и, как следствие, много видел. Я беру свои слова обратно. Я вижу вы приличный человек. Очевидно военный? Эх вы встрепенулись.

– Да и не стыжусь этого. К тому же в книге имеется прямое обращение именно ко мне.

Настала очередь недоумения со стороны Эдвина Михайловича.

– А где, позвольте узнать это обращение?

Уже не скрывая откровенно подозрительного взгляда, спросил Эдвин Михайлович.

– Так вот оно.

Михаил ткнул пальцем в приписку над стихотворением и в обращение к нему вверху следующей страницы.

– Вы умеете читать на иврите? – не сдержал яду Эдвин Михайлович. – Прочтите мне это, пожалуйста.

«Вот гад, поиздеваться решил или я чего-то не понимаю».

– Я неплохо читаю на русском, а также на английском. Несмотря на отягощенное военной службой прошлое.

Фраза получилась с пафосом и как-то по-детски. Однако же, взял со стола книгу и прочитал приписку и стихотворе-

ние, опустив, правда, обращение к нему Ари. По окончании чтения минуты три лицезрел Эдвина Михайловича, бесси-
стемно переводящего взгляд с него на книгу. «Глючит де-
душку», – подумал мстительно. День глюков. А началось все
с моего компьютера» – усмехнулся он про себя.

– Минуточку – сумел, наконец, вымолвить Эдвин Михай-
лович и, с несообразной облику ловкостью, полез на стре-
мянку, стоящую у одной из полок – я должен кое-что уточ-
нить.

Он нашел нужный фолиант и, спустившись с ним, устро-
ился в кресле у компьютера. Михаил, подойдя, разглядел
название книги. Томас О. Ламбдин. «Учебник древнеев-
рейского языка». «Ну-ну. Уточняй, а то подозрениями тут
разбрасываются». Эдвин Михайлович углубился в учебник,
иногда заглядывая в книгу. Затем, взяв лист бумаги из прин-
тера, что-то записал.

– Молодой человек, не сочтите за труд, прочтите все еще
раз.

– Извольте.

Михаил, взяв книгу еще раз, тщательно все прочитал. Читая, он заметил, что Эдвин Михайлович сверяет его чтение с собственными записями. По окончании чтения картина с рассматриванием повторилась.

– Что-то не так? – С нажимом спросил Михаил.

– Нет, нет. Все так. Я бы сказал все слишком так. Вы правильно все прочитали. Мало того, вы прочитали все правильной меня! Я не понимаю, как это происходит, но вы превосходно читаете на иврите. А точнее на старом иврите.

«Дедушку опять глючит. Наверное, то, что привиделось мне в последнее время, носит заразный характер и передается воздушно-капельным путем» – грустно пошутил Михаил про себя.

– Простите, но я читал на чистом русском.

На челе Эдвина Михайловича в ответ на это заявление отразилась крайняя степень изумления.

– Вы... вы, что утверждаете, что текст в книге, который вы только, что зачитали, написан на русском?

– Представьте себе, именно на русском, – с нескрываемым сарказмом произнес Михаил.

Это заявление «выключило» Эдвина Михайловича на-прочь. Он сидел перед компьютером уставившись в никуда без движения. «Ну, вот опять глюкнуло знатока. Хоть бы знать есть ли у него кнопка «Reset»? Есть, возможно, подкожная такая, в районе его лысого затылка. Если шлепнуть туда легонько ладошкой – он и перезагрузится» обиженный предыдущим общением, злобно фантазировал. Ладно. Будем ждать. Он, поискав глазами, нашел стул и сел, не спрашивая разрешения. Было неизвестно, как надолго Эдвин Михайлович будет пребывать в ступорозном состоянии. Тот, наконец, обнадеживающе зашевелился.

– Я, с вашего позволения, отсканирую книгу, – спросил Эдвин Михайлович.

– Пожалуйста.

Эдвин Михайлович взял ручной сканер, весьма редкий среди пользователей компьютерами, и практически не касаясь книги, бережно отсканировал все страницы, включая обложку. Затем, похлопал одним пальцем по клавиатуре и принтер начал выплевывать отсканированное. Взяв первую отсканированную страницу, он передал ее Михаилу.

– Прочтите, пожалуйста.

Попросил он как-то подозрительно вкрадчиво.

– Но тут написано не на русском!

Возмутился Михаил.

– Вот именно!

В голосе Эдвина Михайловича явно слышалось торжество. Обстановка по мнению Михаила уже явно выходила за рамки приличия.

– Уважаемый Эдвин Михайлович.

Поднявшись со стула с красноречивой медлительностью, и расправив плечи, вновь так же спокойно и глухо начал Михаил.

– Вы сегодня издеваться изволите? Я спросил вашей помощи как человека облеченного знаниями в области древнего книгопечатания. Но, поверьте, я нисколько не готов к подобному с вашей стороны обращению.

В щепетильных случаях Михаил, по неведомым ему самому причинам, начинал изъясняться, применяя лексику девятнадцатого века. Опять получилось вычурно, но и убедительно потому, что Эдвин Михайлович весьма поспешно по-

дался от него к компьютеру, и взял в руки сканер, выставил его перед собой. «Похоже, дедок меня отсканировать вознамерился» – Михаил не смог удержаться от смеха.

– Почему вы смеетесь? – Настала очередь Эдвина Михайловича для недоуменной обиды.

– Помилуйте, Эдвин Михайлович, я никогда не подниму руки на пожилого человека. Опустите ваше «оружие». Сказал он, продолжая смеяться.

– В моей жизни, знаете ли, всякое бывало.

– Как-то грустно произнес Эдвин Михайлович.

– Охотно верю.

Успокоившись от веселья, и даже пожалев старика, ответил Михаил.

– Однако, сегодня явно не тот случай. Объясните, что вы имели в виду, подсунув мне текст на древнем иврите?

– Я вам дал отсканированную и распечатанную именно первую страницу книги, которую вы мне блестяще прочитали на «русском», как вы утверждали. И вы сами сказали, что она написана на русском. Ничего иного, тем более обидного я не имел в виду.

Сканер оставался в его руках, правда, он его уже не держал перед собой.

Михаил подошел, взял книгу и сличил тексты. Все, полностью совпадало до мельчайших подробностей заломов на странице, за исключением малости. Текст в книге был на русском языке, а в копии на иврите. «?... Упс, теперь похоже и меня глючит». Обнаруженная странность озадачила, но и крайне заинтересовала.

– А давайте для чистоты эксперимента повторим его. Отсканируйте, пожалуйста, эту страницу еще раз и сразу распечатайте.

Попросил Михаил, первое, что пришло на ум.

– Конечно, конечно!

Эдвин Михайлович тут же применил сканер по назначению и сразу распечатал страницу.

Михаил сам взял еще теплую страницу, выползшую из принтера, и сличил с первой. Полная идентичность. Да уж... Не буду больше пугать старика. Хватит. Нужно узнать хоть что-то о книге.

– Эдвин Михайлович, я собственно пришел узнать о самой книге. Забудем о недоразумениях. Могли бы вы ее как-либо охарактеризовать?

Эдвин Михайлович, уже успокоившись, с вниманием и интересом посмотрел на него.

– Ну... Хм... Скажу откровенно, подобной книги я не видел никогда прежде. Но... Но я слышал о подобных книгах. Очень давно, и я не верил в их существование. Я полагал,

что это легенды, живущие среди библиофилов, как история о летучем голландце среди моряков. Это, как бы вам сказать, книга, предназначенная для одного единственного читателя. Она раскрывается только ему и никому другому. Владелец может читать ее не сразу всю, а кусками только по мере приобретения определенных свойств. Приобретя их и изменившись внутренне, он может прочесть следующий отрывок. Так гласит легенда!

Закончил он с ноткой торжественности. Я очень боюсь ошибиться. Нет, это почти невероятно, но, по-моему, ваша книга – именно тот случай.

– Но, как я вас понял, это легенда. А что вы можете сказать о книге объективно, так сказать?

– Объективно? Ну, возраст книги примерно четыреста пятьдесят лет. Она рукописная. Переплет в очень хорошем состоянии. О ее содержании я, пока не могу сказать ничего определенного. Нужно время. Похоже, что она особенна еще тем, что принадлежит перу Исаака Лурии Ашкенази или Ари, о чем свидетельствует надпись перед стихотворением. Это, отмечу особо, большая редкость. Он был ученым, но не писателем. Все открытия Ари записывал его ученик Ха-

им Виталь, если я не ошибаюсь. Книга имеет серьезную ценность. Я даже затрудняюсь ее оценить в деньгах. Также могу сообщить, что она среди пропавших и украденных не числится. Мария Ивановна охарактеризовала вас положительно, а она настоящий «рентген». Ни разу не ошиблась в оценке людей. Дар у нее такой. Я прошу у вас прощения. Все коллекционеры отчасти барыги. Страсть к собирательству иногда толкает во грех объегорить простака.

– Да ладно, не беспокойтесь. Все в порядке. Я знаю, что ее писал Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази. Вы знаете кто он?

«Я уж не буду рассказывать, что я вчера с ним лично разговаривал и даже соком угощался с его стола. А то доконаю окончательно». Подумал с самоиронией.

– Вы абсолютно правильно назвали его имя!

Бровь Эдвина Михайловича удивленно поднялась.

– Это был один из величайших ученых-каббалистов в истории. Я, к сожалению, плохо знаком с этой сферой. Но я постараюсь найти вам информацию.

– Буду вам весьма признателен. Оставить вам книгу?

– Нет, что вы!

Очень поспешно стал отрицать Эдвин Михайлович.

– Это именно ваша книга. Я себе оставлю копии, с вашего позволения. Я постараюсь поработать над ними, а вы зайдите вечером. Часов эдак в семь.

– Спасибо вам большое. Извините меня за беспокойство. Я непременно зайду.

Михаил, взяв книгу, двинулся к выходу по коридору мимо боковых дверей. Одна из них, прежде закрытая, была сейчас приоткрыта наполовину. «?... А я думал, что мы одни, так тихо». Спускаясь по лестнице, он слышал сноровистое пощелкивание замков и позвякивание цепочек. «Граница на замке!».

Михаил, выйдя из подъезда, сразу направился к дому. Ноги сами несли его только в ту сторону. Ему так хотелось ощутить дом. Дом, а не квартиру, как сказала жена. Что такое дом он не смог бы сформулировать четко. Дом – это квартира, лачуга, палатка в которую хочется вернуться. Где бы ты ни был. Ну, примерно так. Михаил перепрыгивал успешные растаять лужи. По дороге заскочил в магазин и, позвонив жене, купил продукты согласно продиктованному списку. Как хорошо шагать домой!

Взлетев на свой этаж, он не стал открывать дверь ключом, хотя мог, конечно. Он позвонил и стал ждать. Дверь открыла она, принаряженная слегка, но это «слегка» было для него! И было столь желанным и ожидаемым. Одним словом, обед не состоялся.

Они проснулись часов в пять дня. От голода. Михаил, по крайней мере, точно от него. Жена подобрала так и оставшиеся лежать в прихожей продукты и отправилась на кухню готовить желанную трапезу. Михаил вспомнил о неработающем компьютере.

– Я не зашел в магазин за мастером, чтобы починить ком-

пьютер.

– И не нужно. Он прекрасно работает. Я сидела все время за ним, пока ты ходил в музей.

– Это здорово. Я старался все сделать правильно, а он меня подвел. И Интернет работает?

Михаил, задав вопрос, внутренне сжался. Тема была болезненная.

– Интернет? Не знаю. Я не входила. Ты не беспокойся, он мне не нужен. Мне и так хорошо.

Она подошла к нему и обняла. Михаил стиснул ее, чуть не задушив. Она не сопротивлялась.

– Я стихи писала.

– Дай почитать?

– Ну не знаю... Они такие... Ладно. Найдешь в компьютере.

Она высвободилась и пошла укрощать зашипевшую сковородку, а он подался к компьютеру. Тот работал совершенно исправно. В меню «Пуск» в «недавних документах» нашел «вордовский» файл и открыл его и прочитал:

Настроенье мое хорошее

Мы гуляли друг с другом под руку

Нету дома гостей непрошенных

Остальное, как будто, пофигу

Настроенье мое хорошее

По утрам, как всегда до вечера

Позабылись скелеты прошлого

По шкафам – и навеки вечные

Настроенье мое хорошее

Небо градом по стеклам бесится

Мы с тобою друг в друга вросшие

Мы сорвались с отвесной лестницы

Горло его сжало от чувств. Ну, вот еще нежности телячьи. Но на самом деле он отдал бы и саму жизнь за эти простые строчки. Стихи, как ничто другое, могут показать истинные чувства человека. Поэтому-то написавший их непрофессионал не склонен показывать их посторонним. Теперь его дурацкие сомнения развеялись в прах. Это давало ощущение надежного тыла. Мужчины могут идти вперед, в том числе и напролом в достижении любой цели, но им обязательно нужно чувствовать надежную поддержку со спины. И нет более мощной силы в этом, чем сила хрупкой женщины ожидающей своего мужчину! Михаил понял, что жизнь совершила

очередной поворот. Куда?

Так, поехали дальше. Он вошел в Интернет и щелкнул ссылку об Ари. Открылась та же страница, что и прежде. Михаил нетерпеливо щелкнул в следующую страницу. Страница долго не открывалась. Итогом было «Сервер не найден». Досада была наградой за все труды. Михаил стал смутно догадываться, что выбранный путь получения информации нежелателен. Вот и не получается. Хорошо, что комп не завис, как в прошлый раз. Михаил взглянул на часы. Восемнадцать ноль пять. Пора собираться к Эдвину Михайловичу. Возможно, именно этот путь приведет к искомым знаниям об Ари? Только сначала поесть! Очень настоятельно напомнил желудок.

– Миша, садись кушать.

– С наслаждением!

– Мне нужно сходить к Эдвину Михайловичу, это интересный человек, собиратель книг. Он пообещал мне некоторую информацию. Я тебе позже расскажу все подробно. Ты

не против?

– Нет. Я посижу дома. Дел накопилось невпроворот.

– Какие дела? Я все убрал, еда есть. Отдыхай.

– Ты не поймешь – ты не женщина к счастью. Для тебя. И для меня тоже.

Она улыбалась.

Михаил Быстро оделся и направился кружным маршрутом к дому Эдвина Михайловича. Он хотел забежать в магазин купить для него чего-либо к чаю. В первый раз в спешке оплошал и пришел к человеку с пустыми руками. Во второй раз это будет уже не оплошность. Да и расчет по времени позволял не бежать. Михаил купил коробку приличных конфет и уже неторопливо направился к получению знания об Ари. Когда он был квартала за два от дома Эдвина Михайловича на боковой улице, он заметил спины двух быстро идущих мужчин в одинаковых черных куртках с капюшона-

ми. Что-то в этих фигурах было знакомо. Большой город – много похожих прохожих. Скаламбурилось ему. Подойдя к дому, увидел машину неотложки. Плохо кому-то – всколыхнулось участие. Михаил вошел в подъезд и поднялся на уже знакомый третий этаж и обнаружил дверь Эдвина Михайловича на треть открытой. Непорядок на границе? Потоптался перед дверью. Может быть, гости нагрянули неожиданно? Но выяснить предположение решил. Приглашали ведь. Покрутил рукоятку звонка. На знакомый уже неблагозвучный звук пришел молодой мужчина в коричневой кожаной куртке с цепким казенным взглядом.

– Вам кого?

Уже по тону, Михаил понял, что перед ним представитель власти. И, очевидно, из силового министерства.

– Я по договоренности с Эдвином Михайловичем. Мы договорились встретиться в девятнадцать часов.

Мужчина нарочито медленно осмотрел его с ног до головы.

– А по какому поводу?

– Я просил провести его общую экспертизу старой книги.

– Ценной?

Открывши, было рот, чтобы выпалить правду, он осекся. Что-то ему говорило, что о книге стоит помалкивать.

– Нет. К сожалению, она оказалась без цены.

Врать он не любил и не умел. Вычислить его ложь не представляло труда даже ребенку. Но с годами он нашел формулу, позволявшую ему выкручиваться из щекотливых положений. Говори правду. Только правду. Но не говори всю правду. «Без цены» в данном случае – бесценная. «К сожалению» – читай, неизвестно куда еще заведет.

– Вы давно знаете Снеткова?

– Эдвина Михайловича? С сегодняшнего дня. Мне его порекомендовали в краеведческом музее и я, созвонившись с ним, посетил его утром. Простите, а вы кто?

Мужчина полез в карман и, развернув удостоверение, мелькнул им перед его глазами.

– Следователь прокуратуры Приставкин.

Фамилию он произнес так, что не будь у Михаила довольно неплохого слуха – не разобрал бы. Стесняется он ее что ли?

– А это что? Приставкин показал на пакет с конфетами?

– Конфеты для Эдвина Михайловича. А что случилось?

– Скончался Снетков.

– Как?

– Как большинство людей от болезней и старости.

Следователь Приставкин явно решал какую-то задачу. Это отражалось на его лице. Решил, кажется.

-У вас паспорт при себе? Или что-нибудь из документов?

– Только военное пенсионное удостоверение.

Приставкин еще раз быстро оценивающе окинул Михаила взглядом.

– Пойдет. Проходите в кабинет понятым будете.

Что-то тут было не так. Михаил пошел за следователем и за разгадкой. Перед кабинетом стояли врач неотложки и медсестра. В кабинете в кресле у компьютера сидел Эдвин Михайлович. Голова, поддерживаемая высокой спинкой, слегка склонена к левому плечу. Руки лежали на клавиатуре. На мониторе был какой-то текст в «Word». Вроде бы он умер во время работы, но... Но очки лежали на письменном столе у окна. Судя по диоптриям очков, Эдвин Михайлович перед смертью печатал, не видя ни монитора, ни клавиатуры. Михаил поискал глазами листы копии его книги. Их не было. А учебник древнееврейского лежал открытым на компьютерном столе. Не складывалось все как-то.

– Так, все проходим в помещение, протокол составлять будем. Ваши документы, пожалуйста.

Врач, медсестра и Михаил прошли к письменному столу, где уже раскладывал свои бумаги следователь Приставкин, и сложили на стол, какие имелись, документы для протокола. Пока Приставкин борзо писал дежурные фразы в протоколе, Михаил старался получше рассмотреть все детали кабинета и размышлять логически:

1. Судя по интересу, проявленному Эдвином Михайловичем к книге, он не мог ею не заниматься. Но следов этих занятий, кроме раскрытого учебника нет.

2. Эдвин Михайлович обещал поискать информацию об Ари. Следов поиска тоже нет. Михаил подошел к Эдвину Михайловичу и заглянул в текст на мониторе. Это был рекламный проспект Интернет магазина, переведенный в вордовский формат. Зачем Эдвину Михайловичу этот текст? Он, что занимался его корректурой? Это просто бред. Кто-то, желая создать вид умершего за работой старика, не позаботился о содержании его работы. Или не знал, что содержит открытый наугад текст.

3. Эдвин Михайлович был абсолютным хозяином кабинета, судя по свободно стоящим на полках ценнейшим книгам. Посему прятать копии книги Ари ему не пришло бы в голову. А их в видимом пространстве кабинета не было. Следовательно, их кто-то забрал. Тот, кто симитировал спокойную смерть Эдвина Михайловича за работой. Хотя очевидных следов насилия на трупе нет. Знать бы точную причину смерти. Но это может показать только вскрытие. А кто вызвал скорую и прокуратуру?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.